

«теорией индивидуального искания пищи», он на большом фактическом материале показал ее несостоятельность, вскрыл истинный смысл фактов, приводившихся указанными учеными в доказательство своей теории⁸³.

Теория первобытного «атомизма» несомненно представляет собой попытку установить изначальность в истории человечества частной инициативы и частного предпринимательства, свойственных капиталистическому обществу. Это еще один из характерных примеров перенесения буржуазными учеными капиталистических отношений в глубь веков, это попытка найти оправдание отвратительному буржуазному эгоизму эпохи империализма и противопоставить его как якобы освященную десятилетиями тысячелетий сущность человека современному коммунизму. Сторонники этой теории откровенно пишут о том, что спор идет о жгучем вопросе современности — «индивидуализм versus коммунизм»⁸⁴.

Антинаучный характер этих попыток убедительно разоблачают честные ученые Америки. Большая заслуга таких ученых как Дженнес, Ликок, Джеймс, Хикерсон и др. в том, что они собрали большой фактический материал, убедительно свидетельствующий, что у алгонкинов Лабрадора, у оджибвеев и других племен охотников и собирателей всюду коллективизм в производстве и распределении, совпадающий с материнской родовой организацией, предшествует отношениям частной собственности и патриархату. В работах этих ученых бесспорно доказывается, что становление патриархальных норм у этих племен связано с проникновением товарных отношений в их экономику под влиянием европейской пушной торговли. Этим они подрывают основы теории, метко названной С. П. Толстовым «теорией извечного кочевого патриархата»⁸⁵.

Ю. П. Аверкиева

⁸³ Г. В. Плеханов, Искусство и литература, М., 1948, стр. 77—80.

⁸⁴ I. Hallowell, Указ. раб., стр. 238.

⁸⁵ С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 17.

Н. Ф. Жиров. *Атлантида*. Географиз, 1957, 119 стр.

За последние годы на страницах наших газет и журналов наряду с некоторыми другими псевдонаучными «проблемами», неоправданную популярность вновь приобрела проблема Атлантиды. Наиболее видным пропагандистом «атлантологии» в Советском Союзе является Н. Ф. Жиров: он опубликовал несколько статей и даже отдельную книгу, посвященные этой проблеме. В статье «Загадки древних культур»¹ Н. Ф. Жиров берется за решение вопросов происхождения и истории древних народов Америки и их цивилизации, исходя при этом из изложенной им в книге «Атлантида» гипотезы о действительном существовании этой мифической страны о переселении атлантов в Америку как из твердо доказанных фактов. Поэтому для выяснения вопроса излишне будет вернуться к рассмотрению этой книги, хотя она и вышла еще в 1957 г.

В связи с проблемой Атлантиды автор рассматривает множество вопросов. Отдавая должное его широкой эрудиции, нельзя не отметить ряда очень существенных недостатков книги.

Источники, которыми пользуется автор, крайне неравноценны. Н. Ф. Жиров часто ссылается на устаревшие (а иногда и на совершенно фантастические) работы авторов прошлого века и принимает на веру их выводы. Некоторые тексты цитированы в переводах, не выдерживающих никакой критики.

Вопрос о том, существовал ли материк (или остров) в Атлантическом океане, как правильно отмечает Н. Ф. Жиров, относится к области геологии. Общеизвестно, что земная кора может подниматься и опускаться. Вряд ли кто-либо сможет протестовать, если геологи найдут прямые доказательства того, что в Атлантическом океане был материк и что этот материк погиб сравнительно недавно. Однако до сих пор подобных доказательств не обнаружено.

Между тем, Н. Ф. Жиров полагает, что в диалогах Платона «Тимей» и «Критий» описан именно этот предполагаемый материк. Но на основании текста этих диалогов нельзя отождествлять Атлантиду Платона с гипотетическим материком в Атлантическом океане.

Н. Ф. Жиров не дает никакой характеристики диалогам Платона, в которых рассказано об Атлантиде. Между тем, совершенно ясно, что следовало бы начать именно с всестороннего критического изучения этих источников, на которые всецело опираются так называемые атлантологи. Больше того, Н. Ф. Жиров просто дезориентирует несведомленных читателей, утверждая, что диалог «Критий» специально посвящен изложению «предания» об Атлантиде (стр. 21), что «предание стало известно Платону от потомков Солона, приходившегося ему родственником по линии матери» (стр. 17), и т. д.

¹ Альманах «На суше и на море», Географиз, М., 1960.

В трудах древнегреческих историков (например, Геродота) записано много преданий в собственном смысле слова. Платон никогда не был историком и отнюдь не стремился записывать какие-либо предания. Его как философа чрезвычайно интересовал вопрос о наилучшем государственном устройстве, которое обеспечивало бы внутреннее благосостояние и давало возможность успешно противостоять врагам. Интерес к этой проблеме вполне понятен, если учесть разгром Афин в Пелопоннесской войне, в ходе которой в Афинах неоднократно менялась форма правления.

Пропагандируя свои философские взгляды, Платон разработал особый литературный жанр — диалог между несколькими лицами, от имени которых излагались взгляды самого Платона. Нужно отметить, что Платон не ограничивался только пропагандой, но и предпринимал попытки практически реализовать свои идеи об образцовом государстве (в Сиракузах). Взгляды Платона на государство изложены в трех тесно связанных между собой диалогах — «Государство», «Тимей» и «Критий». Эти диалоги относятся к числу поздних и написаны после ознакомления Платона с учением пифагорейцев. В диалогах ведут беседы известные исторические лица — Сократ, Критий, Тимей, Гермократ. Указаны даже даты бесед. Разумеется, это чисто литературный прием, искусно используемый Платоном, чтобы придать максимальную убедительность своим идеям. Диалоги Платона — вовсе не запись реальных бесед, а литературные произведения. Сократ действительно любил вести беседы, но известно, что он никогда не высказывал мнений, похожих на приписанные ему в этих диалогах Платоном, и вообще решительно отвергал рассуждения на отвлеченные метафизические и космологические темы как пустословие. Это же относится и к остальным участникам бесед.

Содержание диалогов следующее: 21 числа месяца таргелиона (год не указан) Сократ, ведя беседу с Критием, Тимеем, Гермократом и не названным четвертым собеседником (под которым можно подразумевать самого Платона), излагал свое (т. е. в действительности Платона) мнение о наилучшей организации государства (диалог «Государство»). На следующий день беседа была продолжена, на этот раз без четвертого собеседника. Сократ напомнил содержание предыдущей беседы и выразил желание, чтобы собеседники рассказали, как, по их мнению, такое воображаемое государство вело бы себя во время войны («Ведь из нынешних одни только вы могли бы, поставив город приличным образом в войну, дать о нем справедливый во всех подробностях отчет»²). Критий ответил, что, по его мнению, такое образцовое государство действительно существовало в очень древние времена у афинян и выиграло величайшую войну, вкратце рассказал о ней (как о славнейшем подвиге Афин) и предложил Сократу оценить, подходят ли эти древние Афины как иллюстрация идей о наилучшем государстве. Сократ ответил утвердительно и подчеркнул особую важность того, что будущий рассказ Крития «не вымышленная сказка, а истинная повесть». Небезынтересно отметить, что первоначально Сократ требовал рассказа именно о воображаемой войне. Было решено, что сначала Тимей (философ из Локр, знаток астрономии и естественных наук) расскажет о происхождении Вселенной, доводя изложение до появления людей, а затем Критий опишет древнее афинское государство и его военные подвиги. «И посмотри, Сократ (говорит Критий. — Ю. К.), в каком порядке расположили мы для тебя угощение. Нам показалось, что Тимей, как самый сильный между нами знаток астрономии и человек, особенно предавшийся задаче познать природу вселенной, должен говорить первый, и начав от рождения космоса, окончить природу человека. А я, после него, приняв людей, уже получивших по его исследованию бытие и некоторых между ними отлично воспитанных тобою, согласно с рассказом и законом Солона, поставлю их пред вас — судей и покажу в них граждан этого города, как бы действительных тогдашних афинян, — тех, что вывели на свет из забвения сказание священных книг, — далее буду уже говорить о них как о согражданах и настоящих афинянах»³. Затем следует речь Тимея, в которой излагаются космогонические взгляды Платона (диалог «Тимей»). В третьей беседе, как и было условлено, Критий рассказал об идеальном государстве Сократа (т. е. Платона), якобы уже существовавшем девять тысяч лет назад у афинян, подробно описал его и подчеркнул, что тогда афиняне победили самых могущественных варваров — атлантов благодаря своей гражданской доблести (диалог «Критий»; он остался незаконченным или не сохранился полностью и обрывается на описании противников афинян — атлантов).

Платон отнюдь не случайно приписывает рассказ о древних Афинах и о войне с атлантами Критию. Если учение об идеальном государстве Платон изложил от имени Сократа, а космогонии — от имени авторитетного философа-естественника Тимея, то на этот раз рассказ вложен в уста поэта, «младшего софиста» и безбожника Крития, в дальнейшем вождя крайних олигархов, главы «30 тиранов», убитого в стычке с отрядом Фразибула (403 г. до н. э.). Приписывая рассказ именно Критию, Платон с большим искусством держится на грани правдоподобия, так как, с одной стороны, в рассказе поэта естественно ожидать вымысла (тем более, что, по диалогу, Сократ именно этого и требовал), а с другой стороны, достоверность рассказа подтверждается ссылками на семейные предания, восходящие к знаменитому, «мудрейшему из семи мудрых» (по словам Крития) Солону.

² Платон, Соч., ч. VI, М., 1879, стр. 376.

³ Там же, стр. 387.

Критий подробно рассказывает, откуда и при каких обстоятельствах он получил сведения: Солон сообщил их своему родственнику и другу Дропиду (подчеркнуто, что сам Солон в стихотворениях называет Дропиду другом), тот передал их своему сыну Критию (старшему), а последний — своему внуку Критию (рассказчику). Критию-внуку было около 10 лет, когда он услышал этот рассказ в третий день праздника апатурий от своего деда, 90-летнего старика. После изложения этих подробностей Критий говорит, что накануне он не хотел рассказывать сразу, так как «...по давности времени недостаточно хорошо помнил», но «...по возвращении домой, в продолжение ночи, обдумывал и почти все восстановил»⁴. В следующей же беседе Критий заявляет, что у него до сих пор хранятся подлинные записи Солона и что он «перечитывал их еще в детстве»⁵. Этими явно нарочитыми неуязвимыми в рассказе Крития Платон опять-таки искусно держится на грани правдоподобия, предоставляя читателю верить или сомневаться.

Критий рассказывает, что Солон получил сведения о древних Афинах и их победоносной войне с атлантами от очень старого египетского жреца в Саисе (куда Солон действительно ездил). Жрец прежде всего изложил Солону философские взгляды Платона о периодических катастрофах от огня и воды, которым подвергалась и будет подвергаться земля, за исключением Египта, где именно поэтому сохранились записи с древнейших времен. По словам жреца, Афины возникли девять тысяч лет назад, а Саис — восемь тысяч лет, причем в Афинах было государственное устройство, вполне соответствующее идеальному (спартанского образца) государству Платона, описанному Сократом в предыдущем диалоге. Таким образом, по словам Крития, все сведения Солона как о древних Афинах, так и об их войне с атлантами получены от саисского жреца, узнавшего их из записей в храмах. В дальнейшем рассказе Критий приводит не только сведения о государственном устройстве афинян и атлантов, но и подробнейшие географические сведения, детальное описание афинского акрополя, существовавшего девять тысяч лет назад, с указаниями, где находились те или иные здания, для чего они служили и т. д.; аналогичные сведения приводятся о стране и городе атлантов. Этот литературный прием дал возможность Платону придать рассказу Крития большое правдоподобие (в чем он и добился полного успеха, судя по книгам Н. Ф. Жирова и других «атлантологов»).

Таким образом, никакого предания об Атлантиде, основанного на исторической традиции, не существует. Рассказ об образцовом варварском государстве атлантов несколько не более «историчен», чем составляющий с ним одно неразрывное целое рассказ об идеальном афинском государстве. И то, и другое несколько не более «исторично», чем сама беседа между четырьмя философами, которой, конечно, никогда не было. В своих диалогах — литературном произведении, а не историческом труде — Платон не имел никакой надобности ограничиваться в выборе нужных материалов и использовал все приемы, которые могли придать рассказу больше убедительности, занимательности и правдоподобия, однако же, как указывалось выше, не переходя известной границы. И Афины, и Атлантида Платона — синтетические художественные образы, иллюстрирующие его философские идеи, о чем в диалогах прямо и сказано.

Создавая свои диалоги, Платон использовал самые разнообразные материалы, в том числе, вероятно, какие-то смутные сведения о минойской державе (утверждение, что у греков несколько раз появлялась и исчезала письменность, соответствуют действительности). Прообразом атлантов явно послужили «народы моря», наступавшие на Египет в союзе с ливийцами и хорошо известные по древнеегипетским источникам. Платон мог узнать об этой войне во время своего путешествия в Египет. «Народы моря» для египтян того времени были выходцами с далеких неведомых островов. Уже Сицилия лежала за пределами известной египтянам ойкумены. Платон соответственно расширил географические рамки и поместил своих атлантов за пределами известной грекам ойкумены, т. е. за Гибралтарским проливом (вероятно, тут были использованы слухи о Тартессе). В географическом описании Атлантиды прямо говорится о Пиренейском полуострове (кстати, остров и полуостров в древнегреческом языке обозначались одним и тем же словом), а фауна (слоны) и «местный колорит» страны атлантов в основном соответствуют Северной Африке. Название «атланты» не придумано Платоном — так называются у Геродота некоторые северо-африканские племена. Что касается дат и других цифр, то здесь мы явно имеем дело, как и вообще в этих диалогах, с пифагорейской символикой чисел.

Н. Ф. Жиров не считает нужным рассмотреть сами диалоги или принять во внимание имеющийся критический комментарий к ним (что он на стр. 8 называет «односторонним изучением») и просто отбрасывает все то, что его не устраивает. Войну с атлантами он считает «баснословной» (стр. 18). Сообщение о том, что город Саис возник восемь тысяч лет назад, а Афины — девять тысяч лет назад, он квалифицирует как «нарочитый анахронизм» (стр. 18) и считает «вовне вероятным», что описание афинян является «патриотической фантазией и иллюстративным материалом, придуманным самим Платоном для пропаганды своих социально-политических взглядов» (стр. 21). По мнению Н. Ф. Жирова, в диалогах все вымышлено, кроме одного: описания Атлан-

⁴ Платон, Соч., ч. VI, стр. 386.

⁵ Там же, стр. 507.

тиды. Такой подход к диалогам поражает крайней тенденциозностью. Если Н. Ф. Жиров не верит тому, что Афины существовали девять тысяч лет назад, то почему нужно верить в такую же древность атлантов? Если описание Греции является фантазией, то почему не фантазия описание Атлантиды? Если неверно, что афинское войско провалилось сквозь землю, то почему нужно верить, что Атлантида погрузилась в море?

Касааясь вопроса о географическом положении Атлантиды, Н. Ф. Жиров пишет: «Указывается, что второму близнецу в одной паре с Атлантом, Эвмелу, была дана в удел самая крайняя, восточная часть Атлантиды, расположенная против страны, простирающейся от Столбов Геракла (Гибралтара) до Гадейры (нынешнего Кадикса в Испании). Из этого места следует, во-первых, что главное царство Атлантиды, где правили потомки Атланта, не было расположено близко к Европе и находилось значительно западнее или юго-западнее. Во-вторых, еще раз подтверждается взгляд о том, что море между Атлантидой и Европой не было очень большим, меньшим, чем между Атлантидой и Америкой. И, наконец, что самое главное, этим местом совершенно точно устанавливается, что Атлантида не может быть расположенной в Испании» (стр. 27).

В подлинном тексте диалога (который Н. Ф. Жиров почему-то не считает нужным цитировать) говорится: «Близнецу, за ним (Атласом.— Ю. К.) родившемуся, который получил в удел окраины острова от столпов Иракла до теперешней области Гадирской (от той местности получившей и свое название), дано было имя по-эллински Эвмил, а по-туземному Гадир,— название, перешедшее на самую страну»⁶. Из этого места следует, что территория между Кадиксом и Гибралтарским проливом является частью Атлантиды и что, таким образом, Атлантида тождественна с Пиренейским полуостровом. Совершенно невозможно понять, каким образом Н. Ф. Жиров делает противоположный вывод⁷.

Не менее произвольно толкует Н. Ф. Жиров другие места в предании. В подлинном тексте упоминается «тот древесный плод, что дает и питье, и пищу, и мазь». Н. Ф. Жиров совершенно бездоказательно утверждает, что речь идет о кокосовой пальме, и делает вывод, что Атлантида «простиралась значительно дальше на юг от 25° с. ш.» (стр. 30). В диалоге говорится, что с Атлантиды можно было плавать на другие острова и на «противолежащий материк». Из этого Н. Ф. Жиров делает вывод, что речь идет об Антильских островах и об Америке. Но так как Атлантида недвусмысленно отождествлена с Пиренейским полуостровом, то об Америке не может быть и речи. В диалоге говорится совершенно ясно: «Местность эта (царство Атласа.— Ю. К.) по всему острову была обращена к югу и защищена с севера от ветров»⁸. Неужели можно серьезно обсуждать вопрос о том, какой «противолежащий материк» находится к югу от Пиренейского полуострова? Помещая Атлантиду, вопреки прямому тексту диалогов, в середине Атлантического океана, Н. Ф. Жиров утверждает, что древнеамериканские цивилизации обязаны своим происхождением атлантам Платона. Далее Н. Ф. Жиров пытается найти сведения об Атлантиде в индийских источниках.

По мнению Н. Ф. Жирова, гибель Атлантиды, сопровождавшаяся землетрясением и вулканическим извержением, вызвала временное наводнение во всех приатлантических областях. «Это наводнение по своим масштабам, мощности и последствиям не могло не оставить в памяти даже первобытных народов неизгладимого впечатления, переросшего затем в мифы о „всемирном потопе“» (стр. 40). Далее Н. Ф. Жиров ссылается на мифы о потопе у юкатанских майя, киче, атапасков.

Миф о потопе у юкатанских майя имеется в разных вариантах. Н. Ф. Жиров ссылается на книгу Чилам Балам из Чумайеля: «Некоторые исследователи (например, Болио) считают, что в пятой главе этой книги имеются указания на то, что в какую-то очень древнюю эпоху прародину майя, расположенную на востоке в океане, постиг ряд губительных землетрясений и колоссальных вулканических извержений, в результате которых этот остров или материк исчез под волнами океана, а уцелевшие жители разбрелись в разных направлениях» (стр. 41). Далее Н. Ф. Жиров цитирует отрывок из этой главы в совершенно фантастическом переводе: «Земля начала содрогаться. И упал огненный дождь, и упал пепел, и упали скалы и деревья. И Великий Змей был похищен с небес. И вот одним ударом нахлынули воды... Небеса упали и суша утонула. И в один миг великое разрушение закончилось. И Сейба, Великая Мать, поднялась среди воспоминаний о гибели земли» (стр. 41, без ссылки на источник). Все эти сведения являются плодом фантазии. В книге Чилам Балам из Чумайеля нигде не упоминается ни «прародина майя», ни землетрясения или извержения. В подлинном тексте упоминаются ливни: «Был внезапный ливень, пошел дождь, когда лишились скипетра тринадцать богов. Рухнули небеса, рухнули на землю, когда четыре бога, четыре Бакаба ее разрушили. Когда закончилось разрушение мира, тогда были помещены деревья Бакабов»⁹.

⁶ Платон, Соч., ч. VI, стр. 509.

⁷ Не лишним было бы заметить, что Эвмел по-гречески означает «имеющий прекрасных коз и свец (мелкий скот)», а Гадир (по-финикийски «крепость») — название финикийского города, а не имя собственное.

⁸ Платон, Соч., ч. VI, стр. 515.

⁹ R. L. Roys, The Book of Chilam Balam of Chumayel, Washington, 1933, стр. 31—32.

В мифе киче, на который ссылается Н. Ф. Жиров, рассказывается о землетрясении и извержении вулкана. Такой миф не составляет ничего странного для Гватемалы. Достаточно напомнить, что первая колониальная столица Гватемалы Альмалонга была разрушена землетрясением и наводнением в 1541 г., а вторая столица — город Гватемала Антигуа — 14 раз страдала от вулканической деятельности, пока не была окончательно разрушена в 1773 г. Предание атапасков связывает потоп с таянием снегов.

Что же общего в рассмотренных Н. Ф. Жировым мифах различных народов о гибели мира? Атапаски, живущие на севере, рассказывают о наводнении, вызванном таянием снегов. Майя, живущие на равнинах Юкатана, рассказывают о ливнях, киче — о вулканических явлениях, характерных для Гватемалы. Общее только одно — наличие преданий о пережитых стихийных бедствиях. Во всех случаях эти предания и мифы не имеют низкого отношения к матерiku в Атлантическом океане.

Н. Ф. Жиров ссылается также на эпос делаваров: «В 3-й песне очень интересно указание на то, что горевшая страна Лусасаки была разорвана и расколота змеей Акоменаки, скреплявшей землю» (стр. 44). Далее он сопоставляет «змеей Акоменаки» с мифическим змеем у египтян и скандинавов. К сожалению, Н. Ф. Жиров опять же введен в заблуждение фантастическим переводом. В подлинном тексте говорится: «И все они (делавары. — Ю. К.) пошли дальше в другом направлении к Змеям (враждебное племя. — Ю. К.) на востоке. Они были глубоко опечалены и серьезны; они были слабы, мучились и дрожали. Оборванные и в лохмотьях они убежали с Змеиного острова (pechimuin shakowen pungihillan lusasaki pikihil, pokwihil akomenaki)». Из этого отрывка ясно, что «горевшая страна Лусасаки» и «змей Акоменаки» — плод фантазии. Во всяком случае, делаварам о них ничего не известно.

Дальше автор ссылается на сказания о том, что «предки некоторых индейских племен в незапамятные времена прибыли из какой-то баснословной страны, лежащей там, где восходит солнце, т. е. на восток от Америки, и что им приходилось переплывать большое море» (стр. 43). Н. Ф. Жиров цитирует известное место из книги Ланда: «Некоторые юкатанские старики говорят, слышав от своих предков, что эта страна была заселена неким народом, пришедшим с востока, который был спасен богом, открывшим ему двенадцать дорог через море»¹⁰. Аналогичные сведения имеются у Бернардо де Лисана и в хрониках майя. Во всех случаях речь идет о вторжении племен ица (в X в. н. э.) с острова Косумель, находящегося к востоку от Юкатана, в северный Юкатан. Несмотря на то, что эти сообщения подробно комментировались многими авторами, Н. Ф. Жиров игнорирует эти комментарии и вносит путаницу в совершенно ясный вопрос.

Н. Ф. Жиров неоднократно ссылается на предания о Кецалькоатле, Вотане и других легендарных героях. «Все они прибывали из-за океана, были светложими и бородаатыми и уезжали потом неизвестно куда» (стр. 45). «Затем есть основания предполагать на основе местных традиций, что появление Кетцалькоатла произошло еще до нашей эры» (стр. 46). В действительности прообразом легендарного героя Кецалькоатла был последний правитель Толлана Топильцин Се Акатль Кецалькоатль, бежавший после военного разгрома на восток и считающийся основателем майя-тольтекского государства в северном Юкатане (X в. н. э.). По всем источникам, этот Кецалькоатль был коренным тольтеком, сыном правителя и знатной женщины, а отнюдь не атлантом и из-за океана не приезжал. Нигде не упоминается о том, что он был светложим. В легендах юкатанских майя говорится, что Кецалькоатль основал государство в Юкатане, а затем удалился на запад (в сторону Табаско). В связи с этим Лас Касас сообщает, что в провинции Шикаланко помнили о прибытии с востока (т. е. из Юкатана) двадцати вождей во главе с Кецалькоатлем. Н. Ф. Жиров подозревает, что речь идет об атлантах (стр. 43). Нелишним было бы напомнить, что в предании говорится о событиях X в. н. э. Далее Н. Ф. Жиров ссылается на предание киче о путешествии трех героев на восток, чтобы засвидетельствовать верность «владыке Накшиту» (т. е. тольтекскому правителю северного Юкатана). Тольтеки называли восточными странами Табаско и Юкатан. После завоевания Юкатана они сохранили за этими областями традиционное название «страна востока» (подобно тому, как мы говорим, например, о Ближнем Востоке). По мнению Н. Ф. Жирова, герои киче путешествовали в Атлантиду. Хронологию он просто игнорирует. Особенно странно выглядит ссылка на легенду о Вотане. Эта легенда рассказывает о тех же событиях X в. н. э. (тольтекское завоевание), что и легенды о Кецалькоатле. Тем не менее Н. Ф. Жиров относит Вотана к X в. до нашей эры и полагает, что он эмигрировал с Крита после разгрома минойской державы (стр. 46).

Аргументация Н. Ф. Жирова в ряде случаев не может не вызвать недоумения. Так, например, он пишет: «Бесспорным свидетельством в пользу предположения о наличии древних связей между Старым и Новым Светом является факт обнаружения янтара в одном из погребений майя. Янтарь в Америке не добывается, и его месторождение известно только лишь на крайнем севере Аляски, притом оно никогда не имело практического значения. Два года назад мексиканский археолог Альберто Луис Луильер внутри одной из пирамид в Паленке (по легенде — города, построенного Вотаном) обнаружил погребение очень знатного жреца или правителя майя,

¹⁰ Диэго де Ланда, Сообщение о делах в Юкатане, М.—Л., 1955, стр. 110.

датированное 693 г. н. э. Таким образом, пирамиды майя похожи на египетские и служили не только храмами, но и усыпальницами. Лицо покойного было после смерти покрыто слоем гипса, а на последний уложены сотни мелких кусочков янтаря, в целом составивших янтарную маску. Этот факт говорит о том, что янтарь ценился у майя как самый драгоценный материал, много дороже золота» (стр. 47).

Во-первых, хотя в Мексике и обнаружены изделия из местного янтаря (склеп 107 в Монте-Альбан), это вовсе не «бесспорное свидетельство» древних связей Америки и Европы. Известно, что в доиспанской Мексике велась торговля янтарем. Во-вторых, если бы упоминаемая Н. Ф. Жировым маска была янтарной, то из этого никак нельзя было бы сделать вывод, что янтарь ценился у майя «много дороже золота». В-третьих, из факта открытия саркофага в тайнике Храма надписей (Паленке) никак не следует, что пирамиды майя похожи на египетские. Ступенчатые усеченные пирамиды майя служили базой для зданий и являлись оборонительными сооружениями.

Легенды о том, что Вотан основал Паленке, не существует. Вотан основал город На Чан. Паленке гораздо древнее, чем легенда о Вотане. Археолог Альберто Рус Луильер обнаружил 27 ноября 1952 г. в саркофаге Храма надписей в Паленке маску, которая, по его описанию, «представляет собой мозаику примерно из 200 фрагментов нефрита (fragmentos de jade), с глазами из раковин и радужной оболочкой из обсидиана»¹¹.

Рассуждения Н. Ф. Жирова о хронологии майя представляют собой сплошную путаницу. В оправдание автора следует отметить, что хронология эта весьма сложна. Жрецы майя отнюдь не были настолько скромными, как полагает Н. Ф. Жиров, чтобы удовлетворяться 13 «бактунами» и вести свое летоисчисление со времени «тибели Атлантиды» в IX тысячелетии до н. э. Согласно дате на стеле 10 в Тикале (в записи майя 1.11.19.9.3.6.2.0), этот памятник воздвигнут спустя 1 841 639 800 дней после начальной даты (что составляет более пяти миллионов лет).

В настоящей рецензии нет возможности рассматривать остальные разделы работы Н. Ф. Жирова. Среди индейских источников нет данных, которые в какой-либо степени можно отнести к гипотетическому материалу в Атлантическом океане. Сама тенденция во что бы то ни стало отрицать местное происхождение древнеамериканских цивилизаций противоречит общепризнанным фактам. Тем более неправильно пытаться выводить все цивилизации из одного центра. Такого рода попытки, вроде панвавилонизма, отвергнуты не только советской исторической наукой, но и вообще всеми объективными исследователями.

Ю. В. Кнорозов

НАРОДЫ СССР

Низовья Аму-Дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. Редакторы С. П. Толстов и А. С. Кесъ. «Материалы Хорезмской экспедиции», под общей редакцией С. П. Толстова, вып. 3, М., 1960, 348 стр.

Проблема древнего течения Аму-Дарьи, этой великой среднеазиатской реки, на плодородных берегах которой возникали древнейшие классовые общества, издавна привлекает к себе внимание ученых.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР с самого начала своей деятельности занималась изучением земель древнего орошения и, в частности, течения Аму-Дарьи. С 1953 г. в работах экспедиции приняли активное участие географы, проводившие значительные исследования по геоморфологии и палеогеографии края. Рецензируемая книга представляет результат этой комплексной работы. Исчерпывающее использование археологического материала позволяет разрешить многие вопросы древней истории не только Хорезма, но и соседней территории. Некоторые из рассмотренных в исследовании памятников, как, например, Джанбас-кала 4, давно известны читателю, другие вошли в науку в результате работ последних лет.

Сопоставление геоморфологических и археологических данных дало авторам возможность установить основные этапы истории Акча-Дарьи, Сарыкамыш и Узбоя и внести новые, уточненные данные в разработку проблемы впадения Аму-Дарьи в Каспийское море.

Книга состоит из пяти глав и заключения. Она снабжена четырьмя геоморфологическими и археологическими картами. Большое число схем и фото прекрасно иллюстрируют основные положения авторов данного труда.

Открывается книга введением «От редакции», в котором дана краткая характеристика работы, названы авторы отдельных глав и разделов, карт, а также фото-

¹¹ Anales del Instituto Nacional de Antropologia e Historia, т. VI, ч. 1. Mexico, 1954. стр. 98.